

Глава первая

РЕВОЛЮЦИЯ

Реймс, 21 июля 1789 года

В это незабываемое утро Николь Понсарден, дойдя до перекрестка, остановилась в раздумье, какой дорогой следовать дальше. Идти ли по Рю-де-Фий Дье — пристойной тенистой аллее для послушных девочек, которая ведет прямо к монастырской школе, или двинуться через площадь запретным кружным путем, где над нагретой солнцем булыжной мостовой дрожало зыбкое марево?

Николь подбросила монету, поймала, прижав к тыльной стороне ладони, и крепко зажмурилась. *Pile ou face* — орел или решка? Все равно: всегда побеждала запретная площадь, тем более в базарный день.

Проходя мимо статуи Людовика XVI, девочка на счастье потрепала шершавую морду лошади, поприветствовала короля насмешливым реверансом и... застыла. Кто-то набросил петлю на королевскую шею, а под царственными глазами набрызгал красной краской. Кровавые слезы текли по лицу государя! Ну не мог же такое сотворить Ксавье! Иногда он подрисовывал королю усы углем или вставлял цветок под седло так, будто тот торчал из лошадиной задницы, но на подобную жуть не осмелился бы никогда.

Неужели правдивы те вести из Парижа, от которых буквально гудит весь город! *Четырнадцатое июля* — день, когда Франция перевернулась с ног на голову. Революция. Король низложен. Народная республика. Яростные споры на каждом углу и бесконечные слухи — и все они о кровавых событиях, что происходят за многие-многие мили отсюда. Петля и кровь — такое могло произойти в Париже, но только не в спокойном и сонном Реймсе.

Осквернение королевского изображения — серьезное преступление, за которое солдаты графа наверняка накажут. Эти вояки — распущенная орава скупающих громил, что прочесывают улицы и куражатся над прохожими, не пропуская даже таких богатых горожан, как Николь. Девочке захотелось поскорее оказаться на площади, там, где, как ей казалось, безопасно, и она прибавила шагу, но не слишком, чтобы не выглядеть подозрительно. Обычно в базарные дни там кишмя кишели местные крестьяне. Они раскладывали свои пестрые товары — будто пожертвования величественному собору, охранявшему площадь.

Но сегодня площадь пустовала. Возле пары потрепанных корзин с безутешным видом стояла лишь старая вдова из Аи. Из корзин торчали лохматая петрушка и жалкая горсть заплесневелых луковиц, которые давным-давно стоило пустить на маринад. Да еще старая торговка вареньем из Аллер-Виллерана, как всегда, восседала на привычном месте. На трех последних ярмарках ей не удалось продать свой товар. На всех кувшинах слово «клубника» было написано с ошибкой (видимо, всякий, кто мог прочитать, вежливо об этом промолчал). Николь страшно гордилась, что это заметила, хотя ей всего одиннадцать лет.

А вот мясника, продававшего освежеванных кроликов, она не знала. На лотке валялись ободранные тушки с головами, хвостами и лапками, по ним, как пьяные, ползали раздувшиеся мухи.

— Ксавье! — Николь заметила приятеля, стоявшего возле лотка с кроликами.

Она бы его за милю узнала по крепко сбитой фигуре и курчавым черным волосам.

Парнишка сделал вид, будто не слышит, смачно сплюнул — отправил по дуге на мостовую комок блестящей слюны. Николь, как всегда, впечатлила его залихватская выходка. Все детство они играли вместе, до тех пор, пока ее тело не стало обретать девичьи очертания. Сейчас же, когда у нее началась школа, а ему пришлось работать, Николь часто не хватало его общества. Кстати, почему он сегодня не на прядильне ее отца?

— Ксавье, посмотри, что я нашла!

Мальчишка продолжал делать вид, что не замечает ее, и Николь подошла ближе, протягивая руку. У нее на ладони лежал зеленый жук, сверкающий, как драгоценность.

— Он сидел на розовом кусте в винограднике мсье Моэта.

Ксавье улыбнулся было, но потом вспомнил, что рядом — ватага его приятелей.

— Ну и что? — спросил он свысока. — Что за ерунду ты притащила?

— Даже такой гроздеед, как ты, должен был бы знать, что это бронзовка! — огрызнулась она, обиженная его пренебрежением.

Ксавье фыркнул, тряхнул головой и попытался сделать вид, будто ему все равно, но Николь поняла, что ее слова задела приятеля. «Гроздеед» — самое худшее оскорбление в краю виноделов. Так называют сезонников из

долины Марны, которые ничего не смыслят в виноградарстве и только и умеют, что жрать молодые грозди.

— Аристократка! — крикнул один из его приятелей, так, словно это было ругательство.

— Оставь ее, она еще соплячка. — Ксавье мотнул головой в ее сторону. — Исчезни, *laide*.

Ксавье всегда к ней хорошо относился, да и сейчас ничего плохого в виду не имел. Но слово *laide* — «дурнушка» — считалось довольно обидным. Ну, так он же всегда дразнил подружку за внешность: она, мол, такая тощая — соплей перешибешь, серые глаза не девичьи, а волчьи, а волосы из-за легкой рыжины похожи на ржавчину.

— Что раскомандовался? Вы на этой площади не хозяева! — огрызнулась она.

— Теперь — хозяева! — крикнул один из приятелей Ксавье. — Давай, благородная, сбрызни отсюда. *Va te faire foutre!*¹

— Я ничем не хуже вас! — яростно возразила она, сжимая кулаки.

Пусть она маленькая, но она еще и быстрая, и сильная, не хуже любого крикливого мальчишки. Черт, почему именно сегодня мать, собирая ее в школу, завила ей волосы этими дурацкими девчачьими кудряшками?!

— Ты что, дура? — толкнул ее Ксавье. — Он же тебя как муху раздавит.

— С девочками деремся, молодой человек?

Это был граф д'Этож собственной персоной — от самого своего шата явился! Его красный шелковый кафтан, сияя на солнце, ярко выделялся на фоне унылой одежды рабочих на площади, смотревших на графа исподлобья.

¹ Пошла вон! (*фр.*)

Граф заломил Ксавье руку за спину. Наверняка тому было мучительно больно, но приятель даже не поморщился, и Николь почувствовала гордость за него.

— Ну-ка извинись перед мадемуазель Понсарден, маленький мерзавец! — Граф вывернул руку Ксавье сильнее, и лицо мальчишки посерело от боли.

Николь испугалась, что граф сейчас вывихнет другу плечо.

— Извини, — скривившись, выдавил Ксавье.

— А вы ведите себя как дама, а не как уличный сорванец!

Насколько же лучше быть уличным сорванцом, чем дамой!

— Отпустите его, он хотел мне помочь, — попросила Николь.

— Помните о том, кто вы, мадемуазель, и не роняйте достоинства, иначе этот сброд возомнит о себе слишком много и примется болтать о справедливости. Сколько вам лет?

— Одиннадцать. — Она не добавила «господин граф» — из упрямства.

— Что ж, вы еще научитесь правильно держать себя с простонародьем. Стоит дать им палец, они отгрызут всю руку. — Граф развернулся и зашагал прочь.

Николь соорудила рожицу за его спиной, чтобы произвести впечатление на Ксавье, но тот уже вернулся к лотку и принялся заталкивать кролика в мешок.

Мясник почему-то не спросил денег, а вид у Ксавье был смущенный. Тут до Николь дошло: кролики — это подаяние бедным. Она пожалела, что обозвала своего друга гроздеедом.

Вокруг площади в вазонах сохли заброшенные герани, со стен домов осыпалась штукатурка и слезала краска. Значит, снова в этом году на полях гибнут посевы.

Николь уже не помнила, когда в последний раз праздновали сбор урожая, с вечерними танцами под большой желтой луной, как бывало в прежние времена. Каждую неделю весь город молился о хорошем урожае, но Бог не внимал их молитвам.

«Вот почему в Париже бунтуют, — говорил отец. — Аристократы обжираются, а рабочие голодают. Королеве Марии-Антуанетте хватило глупости предложить беднякам есть пирожные вместо хлеба». Но о самом страшном отец умолчал. О нем с живописными подробностями ей поведал Ксавье.

Рабочие в Париже восстанут, выловят всех благородных, притащат их на площадь Революции и отрубят им головы этой жуткой недавно придуманной штукой, которая называется *гильотина*. «На ней можно десять аристократов за час казнить, — восхищался Ксавье. — Там такое здоровенное лезвие скользит вниз по раме и — раз! — голову отрубает, а все прочие господа на это смотрят и своей очереди ждут».

Николь поежилась, не желая слушать и надеясь, что это неправда. Она глянула на свое платье — почти такое же алое, как графский кафтан, выкрашенное той же яркой, сочной и дорогой краской, которую люди на площади никогда не смогут себе позволить. Выходит, она тоже аристократка? Но ведь известно же, что король и королева уже не правят. Мир стал чужим, и Николь было страшно — даже здесь, на главной площади родного города.

Она уже жалела, что сразу не пошла в школу. На колокольне собора как раз зазвонил колокол. Она сильно опоздает, и монахини наверняка нажалуются папе, а если так, пусть ей хотя бы не зря влетит. На девятом ударе колокола толпа хлынула на площадь и выстроилась в очередь к прилавку с кроликами. В основном это

были деревенские, слишком бедные и потому нечасто посещающие эту часть города.

Мясник раздавал каждому по кролику. У кого-то были с собой мешки, другие заворачивали тушки в передники, у третьих и лишней тряпки не оказалось, и они держали кроликов за уши. Девочка некоторое время за ними понаблюдала, а потом побежала в булочную.

— Николь, сегодня нет уроков? — спросил булочник Даниэль.

— Монета легла решкой, — соврала она.

— Опять? Ай-ай-ай! Монахини тебе линейкой всю кожу с пальцев сдерут. Покажи-ка.

Она протянула руку и показала ему рубцы, оставшиеся от предыдущего базарного дня, когда прогуляла школу.

Он дал ей *релижьюс* — пирожное в виде пирамидки из двух круглых булочек — большой и поменьше, наполненных кремом и политых шоколадом. Ну прямо толстенка монахиня!

— Вот. Можешь воображать, будто ты им голову откусываешь.

Она впиалась в пирожное зубами. Жена Даниэля Наташа дала ей потрясти любимую игрушку — прозрачный шар, внутри которого над золоченым бальным залом кружились снежинки. Наташа была стройной и смуглой, с загорелого лица смотрели пронизательные карие глаза. Она носила широкие юбки, расшитые по подолу узорами и загадочными символами, как у цыганки, и приехала, как все говорили, из России — мира, бесконечно далекого от города Реймса. Николь любила послушать ее рассказы о ледяных пустынях и золотых куполах.

— Вкуснятина, — улыбнулась девочка с набитым ртом, и тут что-то со звоном влетело в окно булочной, превратив стекло в водопад осколков.

На полу лежал большой камень.

— Ах! — вскрикнула Наташа, начертив в воздухе восьмерки, которые были призваны защитить ее дом от беды.

Даниэль подобрал камень и, размахивая им, выскочил наружу.

— Какая сволочь это бросила?! — заорал он.

Николь вдруг увидела, что это вовсе не камень, а каменная шляпа со статуи короля.

На площади стояла на четвереньках старуха вдова, собирая в корзину рассыпанные луковицы. Торговка вареньем металась между разбитыми кувшинами, выкрикивая какие-то злобные угрозы.

Тем временем трое мужчин залезли на конную статую короля, приносящую Николь удачу, и яростно застучали по ней молотками. Сперва они отбили что полегче — уши коня, ногу короля, лезвие его меча. Собравшаяся толпа подбадривала их, кидаясь обломками.

— Коня не трогайте! — завопила Николь.

— Тише! Вернись, а то попадешь под горячую руку! — Наташа затащила девочку за прилавок и завернула в свои пышные юбки.

Но даже в этом хаосе очередь к кроличьему прилавку продолжала продвигаться. Измазанные землей рабочие с полей, вдовы в черных шалях, босые тощие дети, покрытые струпьями лица... Грянул выстрел, отдавшись эхом над площадью. Очередь замерла, завыл какой-то ребенок, мясник выронил кролика. Трое громил мигом слетели со статуи и притаились за ее разбитыми боками.

— Всем стоять! Ни с места!

На площади появился граф д'Этож, в пылающем, как огонь, шелковом кафтане. На этот раз за ним следовал отряд его личной охраны. Солдаты рассыпались по площади, перекрыли все выходы с нее. Они быстро

скрутили разрушителей статуи, повалили их на землю и связали. По толпе пронесся рев протеста.

Граф, бледный, в напудренном парике, выглядел как зловещий призрак, и холодное застывшее выражение его лица пугало сильнее гнева толпы. Хоть он и не повысил голоса, но слова его разнеслись над всей площадью:

— Эти люди совершили преступление и поэтому будут гнить в тюрьме до конца дней своих! Все остальные, виновные в захвате чужого имущества, также будут сурово наказаны.

— Они голодны, пощадите их! — крикнул в ответ Даниэль.

— Тише, милый! — одернула его Наташа, обратившись к мужу по-русски и прижимая к себе Николь.

— Твое имя, мерзавец?! — Граф направил на него пистолет.

— Даниэль. Булочник. — Мужчина показал на разбитое окно.

За спиной Даниэля со скрипом распахнулись массивные двери собора. Показавшийся в них священник поднял руку.

— Сохраняйте спокойствие и милосердие во имя Христа! — воззвал он.

Кто-то швырнул в священника отбитым ухом каменного коня и бросился бежать, — солдаты не успели даже заметить, кто это был, не то что поймать. Николь зажмурилась: сейчас ударит молния! Оживут горгульи, изрыгнут пламя и всех тут сожгут адским огнем за камень, брошенный в священника!

Но Бог никого не покарал, сегодня он остался ко всему равнодушен. А священник отшатнулся и захлопнул дверь. Он должен был обуздать толпу, а оказался трусом!

Граф направил ствол пистолета на Даниэля:

— Ты! Скажи своим дружкам, чтобы расходились. Эти кролики — краденые.

Даниэль сложил руки на груди:

— Но люди голодают. А кролики все равно уже мертвые и гниют. Зачем они вам?

— Даниэль, берегись! — крикнула Николь.

Граф прицелился и выстрелил.

Булочник рухнул, схватившись за грудь. Наташа бросилась к нему, черные волосы разметались у нее за спиной. Рванув рубашку на груди мужа, она вскрикнула. Ее руки стали скользкими от крови.

«*Не умирай, не умирай*», — молила про себя Николь, скорчившись за прилавком.

Наташа оторвала лоскут юбки и, обняв мужа за плечи, прижимала к ране кусок материи, но кровь струилась у нее между пальцами. Старая вдова из Аи развязала шарф, чтобы сделать из него бинт, и, хромя, заторопилась к раненому.

— Стоять! — взревел граф.

Женщина остановилась, лицо ее словно окаменело. Все замерли. Наташа осталась одна, завывая в наступившей тишине как безумная. Николь тихонько выбралась из-за прилавка и побежала к ней.

— *Bordel de merde*², стоять, я сказал! — заорал на нее граф.

Пуля просвистела возле самого уха Николь, и толпа снова заревела. Девочка обхватила Наташу за шею. Воздух сгустился и стал таким горячим, что дышать больно. Глаза у Даниэля оставались открытыми, но уже ничего не видели.

— Он умер? — шепотом спросила Николь.

Наташа не ответила.

² Французское ругательство.

— Целься! — приказал граф.

Солдаты приставили приклады к плечам и навели ружья на охваченную ужасом толпу. Но ведь теперь-то Бог вмешается?

Двери собора остались закрытыми. Наташа, пораженная горем и ужасом, держала голову мужа на коленях, как Мария, оплакивающая Христа. Николь обнял ее сзади.

— Иди домой и не оглядывайся, детка, — твердым голосом приказала Наташа.

Николь встала, оправила юбку и медленно двинулась к графу. Он держал в руке пистолет, и его дуло все время в упор смотрело на нее.

— Вы его убили! — бросила она в лицо графу.

— Эти люди — воры, девочка. Я лишь осуществил правосудие.

— Я никогда этого не забуду, — отчеканила она спокойно. — И они тоже.

Не сводя глаз с графа, она двинулась дальше. Она здесь своя. Она в чем-то сродни и Наташе, и ее убитому мужу, и этим батракам с кусочками краденного мяса.

Спрятавшись за насос на Рю-де-ля-Ваш, она обернулась и стала наблюдать, что произойдет дальше, чтобы быть свидетельницей.

— Пусть это станет вам уроком! — крикнул граф. — Возвращайтесь к работе, а всякий, кто бросит вызов закону, подохнет так же, как этот ваш дружок. Уходим, ребята.

Осквернителей статуи забросили на телегу, утоптали прикладами и куда-то повезли, связанных и беспомощных. За телегой двинулись солдаты, за ними под хруст колес по гравию уехал в карете граф.

Первой к Наташе подбежала вдова из Аи, перекрестилась в память Даниэля и зашептала что-то ей на ухо.

Наташа кивнула и позволила двум мужчинам отнести мужа в булочную. Сама она шла рядом, прижимая его руку к своей щеке. А он смотрел, но не видел ничего вокруг, будто душа его ушла, — беззащитный, окровавленный, чем-то похожий на ободранного кролика.

Мужчины сняли шапки, женщины склонили головы, и толпа стояла неподвижно в почтительном, оглушающем молчании, пока импровизированная процессия, несущая Даниэля, не скрылась внутри. Очередь за кроликами словно взорвалась: опрокинула мясной прилавок и отбросила его на вазоны с увядающей геранью. Из относительно безопасного места за насосом Николь видела, как Ксавье выдрал факел из стены кузницы, ткнул в какой-то воз сена и над ним с удушающим жаром вспыхнули жадные языки пламени. Огонь проник сквозь стены винной лавки Моэта, охватил бутылки, и из них со взрывами стали вылетать пробки, лопаться стекло.

На каменного короля напала новая банда, на этот раз организованная куда лучше. Кто-то из мужчин принялся раздавать команды, и вскоре статуя рухнула и разлетелась на куски.

— Прощай, *mon grand*³, — шепнула Николь.

Грустно было расставаться с разбитой лошадью, но зато радостно, что короля расколотили вдребезги. И графа тоже нужно бы вдребезги — *vive la revolution!*⁴

Она вскочила, собираясь бежать через этот хаос.

— Развлекаешься страданиями бедняков, богатенькая девочка? — один из приятелей Ксавье преградил ей путь.

— Нет! Булочник был моим другом.

— Свою-то кровь граф пощадил, правда? Тебе пулю в живот не послали. Ты ему своя. Ты богатая,

³ Мой великан (*фр.*).

⁴ Да здравствует революция! (*фр.*)

избалованная аристократка, готовая всех нас убить из-за паршивого кролика.

Он ударил ее по лицу наотмашь. Николь плюнула ему в глаза и бросилась бежать, срезая дорогу через узкий проулок. Его шаги звучали за спиной.

Она бросилась в сторону, в переулок Либержье, резко свернула на Рю-дю-Клуатр, к монастырю.

Дорогу ей преградила испуганная вздыбившаяся лошадь. Девочка обогнула ее слева, пробежала мимо разбитой витрины серебряных дел мастера, вильнула в сторону, чтобы не врезаться в женщину, волокущую ревущих малышей, и тут — бум! Кто-то обхватил ее руками, кто-то в серой куртке и грязных штанах. Николь заколотила ногами, отбиваясь.

— Ах ты, *putain*⁵! Угомонись, а то сейчас как врежу! — Он втащил ее в какую-то дверь. Николь отбивалась, царапаясь, как кошка. Дверь захлопнулась. — Да это же я, мать твою!

— Ксавье! — Она, всхлипывая, рухнула наземь. — Даниэля убили!

— Я все видел. Чтоб этому гадскому графу в аду гореть! — воскликнул он. — Давай за мной, пока еще во что-нибудь не влипла. Тут весь город с ума сошел, и ты тоже. Тебя же убить могли! Шевелись, я знаю местечко, где спрятаться.

Они пробежали по боковой улочке и через дыру в ограде проскользнули во двор, заставленный винными бочками. Ксавье отпихнул в сторону сложенные тюки сена и приподнял люк в полу.

— Ступай туда! — Ксавье указал на темные ступени. — Залезай и сиди там тихо. Я найду твоего отца и скажу, где ты. — Он сунул ей в руки фонарь: — Не зажигай,

⁵ Здесь: шалава (*фр.*).

пока не запрешь дверь на засов. И не смотри так жалобно, я-то думал, ты ничего на свете не боишься. Лезь давай, мы за тобой придем, когда все успокоится. — Ксавье подмигнул, но и у него тоже был испуганный вид.

Николь замешкалась:

— А ты как же?

— Я не девчонка из богатой семьи, а такой же бедняк, как и все вокруг, и раз в жизни это мне на пользу. Давай, запирай эту чертову дверь, чтобы я уже отсюда смылся.

Николь шагнула в темноту и закрыла за собой люк на щеколду. Под ложечкой засосало от страха. Липкими от пота руками девочка зажгла фонарь. Прыгающий огонек осветил ступени, но до дна свет не доставал — там было темно и тихо, как в гробнице. Николь затаила дыхание. Ксавье ни разу в жизни ее не подвел. Однажды она застряла на яблоне, когда хотела доказать, что залезет выше любого мальчишки, и он помогал ей слезть. Еще был случай с крестьянином, на чьей телеге она без спросу каталась вокруг сада, и потом ей пришлось несколько часов прятаться от праведного гнева хозяина. Ксавье тогда вернулся, как обещал, и сказал ей, что опасность миновала.

Николь подняла повыше фонарь и спустилась по каменным ступеням. Внизу начинался длинный коридор. Девочка остановилась, прислушалась, не идет ли кто-нибудь. Нет, ничьих шагов не слышно, глухая тишина. Она вышла к другому коридору, снова повернула, углубляясь в лабиринт и с каждым поворотом успокаиваясь. В погребке оказалось на удивление тепло и стены выбелены мелом. Девочка их потрогала — теплые, как губка. Вдоль стен висели лампы, и Николь, оторвав лоскут платья, скрутила фитиль и зажгла две из них.

Оказывается, она попала в винный погреб. Здесь было красиво: на полках вдоль стен — бесконечные

ряды бутылок, прямые проходы, высокие сводчатые потолки. Свет проникал через отдушины на самом верху, и бутылки поблескивали, зеленые, как река Вель. После ужаса улиц тут все напоминало пещеру фей — тишина, спокойствие, порядок, алхимия.

Николь села на ближайшую бочку и закрыла глаза, вдруг почувствовав, как сильно устала. Нахлынули воспоминания о том ужасе и несправедливости, которым она стала свидетелем. Даниэль погиб, его пристрелили как собаку. Сейчас девочка всей душой была на стороне работников на площади, разделяла их ярость, горе, отчаяние. Плюнув себе на ладонь — как делал Ксавье, скрепляя спор, — она во имя Даниэля прямо на месте заключила с собой договор. Она тоже будет работать, добьется для себя богатства и власти и использует их на дело добра, на свою собственную революцию.